

Культура

«У меня самая престижная должность в мире»

Сергей ТЕПЛОВ,
Санкт-Петербург

— Вспомните, с чего вы начали свое директорство в Эрмитаже?

— С двух вещей. Во-первых, настоял на том, чтобы мой предшественник, Виталий Александрович Суслов, остался работать в Эрмитаже.

— Это было принципиально?

— Для меня — да. Как-то так сложилось, так обставилось, что прежние директора, великие люди — Орбели, Артамонов, — уйдя из Эрмитажа, даже не заходили в него. А Виталий Александрович спокойно проработал здесь до своей кончины. И еще настоял на том, чтобы дети ходили в музей бесплатно. Вот это были мои личные волевые решения. Можно сказать, что я ими горжусь.

— Кто еще бесплатно ходит в Эрмитаж?

— Практически половина посетителей. Это люди, которым мы должны обеспечить прямой доступ к памятникам культуры. Кроме детей, студенты всех национальностей и все российские пенсионеры. Ну и, как известно, первый четверг каждого месяца — бесплатный день для всех без исключения. Есть в мире просто бесплатные музеи —

это другое дело, но в платных таких скидок, как у нас, нет нигде.

— Теперь о тех, кто ходит платно: не считаете ли вы, что 100 рублей за билет — дороговато для наших сограждан, а 10 евро — так же дороговато для иностранцев. И вообще, почему цены разные?

— Разные цены — это наша принципиальная позиция. Мы исходим из того, что Эрмитаж принадлежит всему миру, но наши соотечественники платят на содержание музея налоги. А зарплату у нас мало кто получает по западным меркам. Большинство получает некое пособие, на которое трудно прийти в музей. Теперь, почему 10 евро? Это вопрос престижа. Вот такой у нас музей, он стоит 10 евро. И все музеи такого ранга стоят так же. И, наконец, почему 100 рублей для российских граждан? Эта цена установлена недавно, и я не считаю ее чрезмерно высокой. Человек, который хочет прийти в Эрмитаж, эти деньги заплатит. Знаете, что интересно? Повысив цену билета, мы вскоре подвели предварительные итоги. Да, небольшое падение посещений произошло. Но не стало больше людей, приходящих бесплатно по четвергам! То есть те люди, которые не пришли за сто рублей — они и

бесплатно не пришли. Видимо, логика такая: раз не за 15 рублей, то и вообще ходить не надо, лучше пива попить.

— А вообще сейчас посетителей больше, чем в начале вашего директорства?

— Ну, когда я стал директором, народа было совсем мало, и продолжалось безумное падение, чуть ли не до полумиллиона в год. Сравните — при советской власти было три с половиной миллиона. Падение прекратилось только три года назад. Сейчас посетителей больше двух с половиной миллионов в год — и это то количество, которое мы нормально можем принять, больше нам не осилить. Плюс, не забывайте, миллион по Интернету и примерно столько же на наших выставках по всему миру.

— Да, Интернет, заставки из коллекции Эрмитажа на мобильных телефонах... Как эти ваши новшества уживаются с вашими же утверждениями о том, что Эрмитаж — музей консервативный?

— Но это действительно так. Музей очень консервативный, и традиции этого консервативного музея, музея XIX века, я считаю, мы смогли сохранить, придав им некий новый блеск. Тот, кто ценит прелесть XIX века, сразу понимает. А кому хочется новизны,

получают новизну. У нас блестят полы в большей части залов, у нас новое освещение — все красиво, но все это не выходит за пределы очень консервативного музея, который как раз благодаря своей консервативности может позволить себе разные новшества.

— А как теперь, по прошествии полутора лет, вы оцениваете свой эксперимент по открытию залов Эрмитажа в честь трехсотлетия Петербурга на всю ночь?

— Во-первых, я не приписываю это решение только себе. «Валю ответственность» и на других... По-моему, это был замечательный эксперимент! Александр Сокуров тогда сказал: «Обычно такие лица в таком количестве я вижу только в филармонии». А тут таких лиц — полный Эрмитаж! Это было удивительно, мы думали, что такого народа больше уже нет — людей, которые идут по музею, наслаждаются пребыванием в музее, которым не нужны ни гиды, ни указатели, которые слушают в музее музыку, которые готовы стоять три часа, чтобы посмотреть фильм Сокурова «Русский ковчег». Он ведь и в других местах не под запретом, но они ночью стоят в очереди в Эрмитаж! Очередь от того, что в какой-то момент музей уже больше не вмещал людей. Понимаете, что все это значит: что массовая культура не победила народ! А сама-то по себе идея не нова, на Западе тоже сейчас открывают музеи поздно, чтобы приобщить таких людей, которые не могут в них попасть, когда много туристов. Правда, есть принципиальная разница: они делают это не бесплатно, а наоборот, за двойную цену.

— Вы очень много ездите. Это тоже часть директорской работы?

— Да, довольно много, в среднем за месяц неделю бываю в поездках. Это вполне нормальный расклад для руководителя крупной международной корпорации, какой является Эрмитаж. Потому что наша деятельность за границей важна не только как показ произведений искусства, но и для престижа России. Если, например, делается выставка Эрмитажа и на ее открытие не приезжает директор, то она является выставкой того музея, который ее принимает. Если приехал директор Эрмитажа — это уже выставка Эрмитажа.

— Вы периодически встречаетесь с директорами крупнейших музеев мира...

— Да, причем есть несколько уровней сбора директоров. Есть, например, то, что называется «большой четверкой» музеев мира: Лувр, Метрополитен, Эрмитаж, Британский музей. Сейчас к нам постепенно начинают примыкать музеи Берлина. Вот они по плану все свои музеи объединят, и тогда Берлин вступит в нашу «четверку», которая уже станет «большой пятеркой». А что обсуждаем... Ну, например, сейчас один из очень важных музейных вопросов — как показывать в мире исламское искусство, в связи со всеми последними событиями. Сейчас все большие музеи делают новые экспозиции, и

мы тоже. Мы уже встречались на эту тему, обязательно встретимся и еще.

— Как складываются ваши отношения с сильными мира сего — с президентом, губернатором города? Наверное, вы можете в любой момент позвонить, договориться о встрече. Возникает ли такая необходимость?

— Теоретически, да и практически, если я звоню, встреча будет. Другой вопрос, что я этого почти никогда не делаю, сохраняю эту возможность для действительно очень важных вещей, касающихся музея. А потом, я ведь имею возможность встретиться с президентом и с губернатором в самых разных местах, да и у нас. Они ведь регулярно бывают в Эрмитаже, привозят гостей, проводят приемы, церемонии. Но я опять же стараюсь особо не надоедать просьбами. Если иногда и надоедаю, то скорее чужими. И, конечно, общемузейными проблемами. Сейчас появилось много таких общих проблем музеев и культуры в целом.

— Вам и с олигархами удается дружить, на днях проводите выставку пасхальных яиц работы Фаберже, приобретенных Вексельбергом. Он что, тоже вам помогает?

— Нет, он пока не помогает, это так быстро не делается. Пока что он делает свою выставку, мы ее показываем. И сами открываем музей Фаберже — в здании Главного штаба выделено несколько комнат, где мы будем выставлять коллекции Фаберже со всех концов мира, как ювелирные выставки, которые мы проводили в Синеи спальне. А вот, например, Дерипаска у нас финансировал программу «Эрмитаж в Сибири», сейчас мы начали работу над программой «Эрмитаж на юге России», которую тоже он будет финансировать. Абрамович собирает книги, покупает книги у издательства «Редкая книга из Санкт-Петербурга». Он финансировал их замечательное издание «Исландские саги», которое было представлено на эрмитажной выставке. В общем, находим все время какие-то способы такого сотрудничества, но при этом стараемся ни от кого сильно не зависеть. Правильнее и важнее создать такую атмосферу, в которой и власть имущим, и олигархам, и вообще простым людям, которые что-то могут дать, было бы интересно участвовать.

— Есть ли в Эрмитаже такой зал, такой уголок, в котором вы можете расслабиться, который тянет к себе?

— Нет, знаете, в Эрмитаже мне с этим трудно. Здесь я расслабиться никак не могу, все равно поневоле что-то отмечаешь: вот тут не так, а вот тут надо бы так, это перевернуть, это сдвинуть... Идеи всякие лезут в голову, чисто директорские... В общем-то есть у меня здесь любимые места, причем с детства, я же вырос в Эрмитаже. Но не скажу, какие, это личное. А действительно расслабляюсь, отдыхаю в других музеях. В том числе в российских. Должен сказать, там случаются замечательные открытия — и предметов искусства, и людей. А в принципе настоящий отдых для меня — это с книгой.

9 декабря
Михаилу
Пиотровскому
исполняется
60 лет.
Двенадцать
из них
он возглавляет
Государственный
Эрмитаж